

СЕРЕБРЯНАЯ ШПОРА

Роза Розалин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СТЕЙША РАЙДАН

18+

Райдан

Серебряная шпора. Роза Розалин

«Автор»

2025

Райдан

Серебряная шпора. Роза Розалин / Райдан — «Автор», 2025

Розалин Лайтсайд возвращается в родной город спустя 14 лет после смерти брата. Героине предстоит встретиться с призраками прошлого и ежедневной борьбой с болезненными воспоминаниями, вернуться в жизнь полную крови и интриг. Ко всем проблемам прибавляется давняя вражда с ирландской общиной и воспитание юной племянницы сироты, дочери погибшего старшего брата, которая с каждым днём становится ближе к разгадке семейной тайны. Что же всё таки произошло 14 лет назад?

© Райдан, 2025

© Автор, 2025

Содержание

Мой дорогой читатель!	5
Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3. Незаконченная редакция	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Райдан

Серебряная шпора. Роза Розалин

Мой дорогой читатель!

Добро пожаловать в мир моей бурной фантазии! Эта история о простых людях, живущих в нелёгкое время, прошу расслабиться и окунуться в мир Дикого Запада. Прежде чем ты начнёшь свое путешествие по страницам позволь мне предупредить тебя. Здесь ты можешь столкнуться с некоторыми сценами, включающими в себя насилие, жестокость, описание смерти или убийства. Если ничего из этого тебя не пугает, то хорошо, продолжим наше знакомство, однако, есть еще пара спорных моментов!

Читая мою книгу, ты можешь столкнуться с упоминанием расизма, гомофобией, сексизмом, если это может задеть тебя, то мне очень жаль, на этом нам лучше закончить и встретиться вновь в других произведениях. Поверь, я не хочу обидеть своего читателя, но в реалиях того времени и того, что я хочу принести в мир – писать такое необходимо.

Узнать больше об этой книге и других моих проектах ты можешь в моём телеграм-канале с названием «**Авторство Райдан**», я только рада пригласить тебя к себе на огонёк!

Не волнуйся, я почти закончила со вступлением, вот-вот мы перейдём к самому сладкому, но напоследок сообщу, что имена, описанная внешность людей, страны, города или события являются вымышленными, не несут никакого исторического характера и не имеют ничего общего с реальностью.

Буду рада встретить тебя вновь в конце книги, приятного чтения!

Пролог

Розалин Лайтсайд, 1870 год

Я воткнула ножницы в младенца. Ни капли жалости, девчонка должна умереть, умереть за всю ту боль, которую принесла нам её мать. Увидев кровь на белоснежных покрывалах, стремительно разливающуюся по детской кроватке, я ощутила, как гнетущая меня пустота внутри заполнялась живыми чувствами, меня будто выпустили из клетки, отчаяние сменилось яростью, гневом, ко мне возвращался вкус к жизни. Я не могла сдерживать подступающих эмоций, тело потряхивало, по щекам быстро пробежали слёзы, я безумно хотела видеть эту чёртову ирландскую кровь, с силой схватила клубок покрывал, чувствуя тепло ребёнка под ними, и откинула куда-то назад на пол. До чего же меня тянуло к ней, к ещё живой Шарлотте... Меня манил запах крови, я будто хотела забрать себе её жизненные силы, отобрать, присвоить, а ребёнка забыть, как страшный сон, похоронить в коробке под деревом на утёсе, да... именно там было бы идеальное место, в земле на которой женились её родители, символично.

Я хотела продолжить, закончить всё, мелкая беззащитно кричала, и я кричала вместе с ней, теперь я вижу её полностью, теперь не промахнусь. Рукоять ножниц я сжала сильнее, предвкушая долгожданную победу над судьбой, замахнулась над детской кроваткой и...

– Нет, Роузи! – Альберт схватил меня за руку в момент, когда я была готова оборвать жизнь ребёнка окончательно, это выбило меня из моего гнева и заставило взглянуть на него, в его обеспокоенные глаза. – Она нужна нам! – мой друг сжал меня за плечи, позволяя мне расслабиться и упасть полностью в его объятия.

– Я не могу больше терпеть её здесь... – я удивилась тому, насколько мой голос охрип.

– Прекрати!

– Он ведь даже не сказал мне тогда, что Ванесса беременна.

– Я понимаю тебя, Роузи!

– Не понимаешь, Альберт! Они убили твою мать, а ты поселил это чудовище здесь! – я увидела его печаль, я чувствовала, как он тоже хотел мести, но Альберт лишь хладнокровно покачал головой, отказываясь присоединиться ко мне. Я толкнула его, стремительно направилась к ребёнку, я должна закончить начатое.

– Это ничего не исправит! Роузи, хватит! – Альберт поймал меня за талию, я выронила ножницы, без них я снова ощутила, как душа уходит куда-то вниз, покидая моё тело.

– Нет! Я убью её! – я хотела добраться до неё любой ценой, задушить, затоптать, неважно, но Альберт подхватил меня руками под рёбра и потащил на выход из комнаты. С каждым шагом, отдаляющим меня от Шарлотты, я чувствовала слабость, мучительную горечь во рту, безнадёжный тлен покрывал меня всё больше, по коже бежал колкий холод. Я перестала сопротивляться, молча смотрела как вокруг меня всё заполняется тьмой и только около детской кровати, откуда громко раздавался плач, я видела свет.

Я убью тебя, Шарлотта, пусть и не сегодня.

Глава 1

Глава 1. Часть 1

Шарлотта Лайтсайд, 1884 год

– Здесь ужасная вонь, Лотти! – возмущалась Маргарет.

– Потерпи же, мы недолго, сейчас конюшню обойдём и выйдем на выпас. – ответила я, придерживая подол своих юбок, уберегая их от вязкой грязи.

– Не понимаю я тебя, подруга, ты покидаешь столицу сегодня, и единственное, с чем ты хочешь попрощаться, это конюшня! – Маргарет не переставала вопить сквозь платок, который прижала к носу ещё у входа.

– Тише ты, Марго! Старый Джозеф проснётся, и не видать нам лошадей, раньше полудня он людей не жалуется.

– Брось! Я вчера видела, как его выгоняли пьяным из «Бастилии», небось спит как пёс.

– А отец твой знает, что ты около «Бастилии» гуляешь?

– Конечно же, нет, он говорит, что вечерами там ужинают только одинокие женщины скверного воспитания, но какие же там нарядные джентльмены бывают, не могу удержаться.

– Марго! – со вздохом произнесла я и повернулась к подруге. – Проказница, неприлично засматриваться на мужчин! – мы по-девичьи засмеялись, взявшись за руки.

– Дамы! Ну я же просил тише, Джозеф мне голову открутит, – рядом оказался Билли, жестом он просил нас сбавить шум, глаза его нервно косились на амбар.

– Не подслушивал бы ты, – дразнилась Маргарет.

– Не сердись, зато мы не опоздали, – поспешила я задобрить конюха.

– Так, Шарлотта, соберитесь, идите за мной и без глупых шуток, – в привычной манере заворчал Билли, этот темноволосый парень слишком сильно любит свою работу, убирать навоз и всё такое.

Я сдержала улыбку, услышав тихий смех Маргарет за своей спиной, покосилась на спину конюха, нервировать его не нужно, а то не пустит к лошадям, однако мне бы очень хотелось пошутить над его нелепой ковбойской шляпой и над прихрамывающей походкой. Мы переступили через скомканные лески, стараясь не задеть их сапогом, тут же показался край амбара, а за ним яркое восходящее солнце. Прикрыв глаза ладонью, я взяла Маргарет за руку и повела тихим шагом к выпасу, немного обгоняя Билли. Как только глаза привыкли к солнечным лучам, я разглядела невысокий деревянный забор, а внутри сонно бродили кобылы.

– Вот она! Гляди! Прекрасная кентуккийка! – притянув к себе Маргарет, я указала на лошадь удивительного чёрного окраса с белыми пятнами.

– Какое чудо, Лотти! Я встала раньше восхода, надела лучший прогулочный наряд, чтобы посмотреть с тобой на лошадь старика Джозефа... – Маргарет скептически посмотрела на меня и собралась уже развернуться в обратную сторону, но мои руки на её плечах не дали этого сделать.

– Марго, ты не понимаешь! Тётушка увезет меня в Виспер, и я её больше никогда не увижу, нигде такой больше нет, ты посмотри, у неё пятно на задней ножке похоже на чулок! – Маргарет заинтересованно начала разглядывать лошадь, а та уставилась на неё в ответ.

– И правда... Как самый настоящий чулок на резинке.

– Это моя любимица, – Билли довольно улыбался, скрестив руки на груди, смотрел на лошадь с гордостью. – Быстрая, послушная, умная. Джозеф не дружит с фантазией, всем он

даёт одинаковые имена, её Барбара зовут, как и всех остальных кобыл в табуне, – Маргарет загадочно улыбнулась рассказу парня и глянула на меня.

– Знаешь, Лотти, я буду скучать по тебе, остальные девочки совсем не такие, с ними тоскливо, а я так люблю, когда меня удивляют, даже утренним походом в конюшню.

– Это моя первая лошадь в жизни, Билли когда-то показал мне её совсем жеребёнком, а через несколько лет я её оседлала, прекраснее чувства нет – галопом скакать по полю, тётушка запрещает мне ездить верхом, так что я очень хотела попрощаться. Обещай, что будешь мне писать, Марго, сюда заходи в гости, к моей Барбаре, – тихо просила я, наблюдая за лошадьёю.

– Обещаю. Буду рассказывать, что её чулок в порядке, – Маргарет посмотрела на меня с искренней добротой, тепло так стало на душе, жаль не могу забрать её с собой, захотелось сказать ей что-то доброе, что я тоже буду скучать и не найти мне другой такой верной подруги, но лишь молча взяла за руку.

– Спасибо тебе, Билли, что позволил увидеть её сегодня, – конюх кивнул. Резко раздался хрип Джозефа, ворчливого хозяина конюшни, затрещали створки дверей. «А ну не мяукай, курей покормлю, потом тебя!» – послышалось из амбара, старик проснулся и принялся огрызаться на кошку.

– Скорее, дамы! Пошли отсюда! – Билли попытался обратно, а я пихнула подругу в спину и напоследок взглянула на Барбару, та на прощание отбила копытом землю и махнула мне мордой, видимо, чувствует, что я её больше не навещу.

Подобрав подолы юбок, короткими шагами мы двинулись обратно тем же путём, сквозь кусты сбоку от конюшни. На душе было тоскливо, но умиротворённо, я успела сделать всё, что планировала перед отъездом.

– Ну и приключение ты нам устроила, Лотти! – засмеялась Марго, пропуская нас с Билли первыми выйти из кустарников к дороге, но в мгновение её выражение лица сменилось, она округлила глаза и замерла с тихим «ой...».

– Развратник! – послышался до боли знакомый голос, строгий и кроткий. Позади Билли что-то пролетело и ударило его по плечу, тот зажмурился от удивления и дёрнулся ко мне в сторону, от чего я отпрыгнула назад, не желая сталкиваться с той же проблемой. – Водишь юных девочек в кусты? Да как тебе не стыдно! – перед нами стояла моя тётушка, в ладони она сжимала прогулочный платок тёмного коричневого цвета, достаточно большой и тёплый, чтобы сделать больно. Она снова замахнулась и огрела им Билли по груди.

– Тётушка, Бога ради! Перестань! – я кинулась встать между ней и парнем. – Это не то, о чём ты подумала!

– Я всё правильно подумала, Шарлотта, этот бездарь снова водил тебя к лошадям!

– Мисс Лайтсайд, да мы даже не подходили к ним, только посмотрели! – обернулся от очередного удара Билли.

– Сколько раз я говорила не водить её туда? Тебе всё как об стенку горох, юноша! Это опасно, а если бы лошадь её лягнула? – она вздохнула и взглянула на меня. – Я как чувствовала, что поутру ты сбежишь именно сюда, никакой оригинальности, Шарлотта, – тётушка злилась, не сводила с меня глаз, будто ждала моих возражений на её упрек.

– Доброго утра, мисс Лайтсайд, – Маргарет кротко кивнула, разряжая обстановку, не желая больше стоять в стороне.

– Доброго, юная мисс Макартур, – бросила тётя и потеряла всякий интерес к моей подруге. Решив не ждать моего ответа, она продолжила: – Шарлотта, мистер Вагнер уже пригнал дилижанс! Ты нас всех заставила ждать, опоздаем и судно отплывёт без нас! – тётушка развернулась и ровно, без спешки, покачивая подолом платья, направилась на другую сторону дороги, а мы молча, как провинившиеся щенки, побрели за ней.

За углом показался дилижанс, мистер Вагнер, увидев тётю, открыл двери и озадаченно замер, заметив сбежавшую меня, печально идущую в компании подруги и конюха, но ничего не сказал, лишь обратился к тёте.

– Теперь мы изволим ехать в порт, мисс Лайтсайд? – спросил мистер Вагнер.

– Изволим. Шарлотта, прощайся с друзьями и садись, – она не взглянула на нас, не обернулась и, ухватившись за руку мужчины, элегантно влезла в дилижанс. Тут же меня окутала грусть, я боялась смотреть на Марго, не хотелось бы плакать в дороге.

– Неужели нам пора прощаться? – услышала я и заставила себя обратить внимание на друзей.

– Тётушка сказала, что мы будем навещать столицу, не забывай меня и пиши мне все сплетни, какие только узнаешь, Марго, – сказала я, и под тихое «я буду тебя ждать» она обняла меня, наверное, она тоже будет плакать потом, когда я отъеду. Я погладила её по каштановым волосам, мирно свисающим по спине, в нос ударил запах вишни, так пахла только Маргарет, её туалетная вода сделана под заказ в единственном экземпляре, пусть какое-то время вишней пахнет и от меня.

– Иди, Лотти, не трави мне душу, – наигранно посмеявшись, сказала Маргарет, я улыбнулась и глянула на Билли.

– Одни проблемы от тебя, девчонка, в Виспере будь аккуратней, заведи новых друзей, – я понимала, что конюх тоже грустил, но его гордость никогда этого не покажет, а манеры не позволят ему обнять меня на прощание. Поджав губы, я кивнула, спешно развернулась и подошла к дилижансу, боясь окончательно опечалиться.

Мистер Вагнер подал мне руку, я забралась по маленьким ступенькам, мимолётно задержалась, обернулась на подругу, подобрала юбки рукой и села на мягкие сидения. Мужчина захлопнул дверцу, махнул кучеру и на мгновение прислонился к окошку, он был так близко, что я наконец-то смогла рассмотреть его забавные веснушки, они заполоняли почти всё лицо и совершенно не сочетались с его тёмным цветом волос и яркими голубыми глазами, это отвлекло меня от мыслей о грядущей поездке.

– Легкого пути, Розалин, мне отпишут о вашем прибытии, – он говорил это моей тёте, так нежно и заботливо, меня это даже насторожило. Я взглянула на тётушку и заметила, что та даже не обернулась на него, задумчиво смотрела в противоположное окно, опираясь щекой на костяшки пальцев.

– До встречи, Каин, – задумчиво кинула тётя и дилижанс тронулся, вынуждая мужчину сделать шаг назад. Я выглянула в окно следом за ним, Маргарет лучезарно махала мне рукой, я махнула в ответ и заметила, как Каин Де Вагнер провожает наш дилижанс серьезным, хмурым взглядом.

– Неприлично так смотреть на мужчин, Шарлотта, ты же леди, – шутливо заворчала моя тётушка Розалин.

– Что?! Не смотрела я на него! – смущённо воскликнула я.

– Замечать всё вокруг – моя работа, – Розалин обернулась ко мне, хвастливо улыбаясь, не каждая женщина могла получить достойную работу, не говоря уже о полноценной карьере журналиста и признания общества.

– Вагнер красивый мужчина, – серьёзность этой женщины куда-то улетучилась, и теперь она задорно толкала меня локтем, дразня моим недавним разглядыванием мужчины, она явно желала развеселить меня.

– Тётушка, перестань, он же старик!

– Как грубо! Он мой ровесник вообще-то! – Розалин скрестила руки на груди и надула губы. Должна признать, она не выглядела моложе своих 30 лет, но её кожа оставалась ровной, подтянутой, иногда можно было заметить потемневшие круги у глаз в дни, когда она мало спит, или розоватый румянец от малейшего похолодания, на удивление это никогда её не портило.

Тётушка часто показательно обижается, когда упоминается её возраст, не всерьёз, на самом деле она принимает его с благодарностью, будто радуется каждому прожитому дню. Такое отношение к миру делает её поистине ярким человеком, несмотря на мрачный образ: платья она всегда предпочитала тёмного зелёного или коричневого оттенка, строгий корсет, пара колец, часть волнистых волос оттенка горького шоколада закалывала на затылке, позволяя оставшимся завиваться у плеч, глаза подводила редкими чёрными тенями, делая длинную тонкую стрелку к вискам, а поверх надевала круглые затемнённые очки, которые когда-то ей сделали по заказу, из-за них сложно разглядеть серый цвет её глаз. Розалин красивая женщина, свобододолюбивая, непокорённая.

– Да и вообще это ты еще его сына не видела! – выбила меня из раздумий тётя, возвращаясь к подшучиванию надо мной. Я лишь цокнула языком и отвернулась к окну.

Я обратила внимание на вывески за окошком дилижанса, в груди болезненно кольнуло от осознания, что прямо сейчас мы проезжали по самому центру моего родного города Эллесайда. Прямо здесь, на этой улице, мы с Маргарет по пути на уроки музыки в доме для юных леди угощались сладкими пышками из пекарни неподалёку, потом приходилось долго вытирать пальцы о наши носовые платки, чтобы не испачкать клавиши фортепиано. Это воспоминание отдалось теплом, каждый уголок Эллесайда мы когда-то вместе изучили ещё будучи совсем детьми. Этот город кажется большим, внушительным, высокие здания с дорогими узорчатыми вставками, широкие улицы, полные дилижансов, тележек и коней, по вечерам здесь довольно пыльно, но сейчас, ранним утром, когда солнце ещё не осветило все окна полностью, а граждане только начинают покидать дома, воздух по-особенному свежий.

Медленно мы приблизились к рынку, одному из самых больших районов Эллесайда, в нос сразу ударил запах фруктов, которые бережно принялись разносить по прилавкам рабочие, днём здесь тропинки заполнены прекрасными дамами в нарядных платьях, почти каждая женщина здесь носит шляпку и декоративный зонтик от солнца, в этом округе штата бывает солнечно, душно и влажно, я невольно поправила и свой головной убор, серую шляпку с бантом, под цвет моего платья, обычно тётушка наставляет меня носить корсет, но из-за долгой дороги сегодня она разрешила мне надеть поверх приталенный жакет, тем более в Виспере намного холоднее, чем здесь, жакеты я буду носить чаще обычного.

Руками я прошлась по длинным чёрным волосам, собранным в косу, на город смотреть я больше не хотела, так что взгляд упал на моё любимое и единственное кольцо с зелёным камнем, его сделал мне отец ещё до моего рождения, по сути это единственное упоминание родителей в моей жизни, тётушка особо не рассказывает мне о них – разве только о том, что отец был талантливым ювелиром в Виспере и делал красивые украшения, она и сама носит похожее кольцо.

– Демантоид, – задумчиво произнесла тётушка, заметив, что я разглядываю своё кольцо на пальце. – Во всём Виспере было не сыскать такого камня, твой отец получил его от одного итальянского купца. – Розалин взглянула на своё кольцо и продолжила. – Зелёный был его любимым цветом, а в те дни у него была особая мания везде его применять, – меня искренне удивил рассказ тётушки, сама она никогда не заводила тему о своём почившем брате.

– У мамы тоже было такое кольцо? – спросила я и взглянула на Розалин. Она оперлась щекой на ладонь и посмотрела на меня как-то необычно, будто на мгновение её душа покинула тело.

– Нет. У неё были серьги с этим камнем.

Я хотела продолжить, но её оценивающий взгляд так и приказывал мне остановиться, она не любила разговоры о семье, но любила рассказывать о том какой у нас благородный род и в наших жилах течёт настоящая английская кровь, этим мы отличаемся от остальных американцев нашего штата. В Виспере много таких, как мы, это родина моей семьи, которые когда-

то прибыли в Штаты из Лондона в надежде разбогатеть на золоте и занять свободные земли в собственность.

Как только я приняла поражение и оставила попытки продолжить этот разговор, дилижанс медленно остановился, а из окна повеяло сыростью. Мы прибыли в порт города Эллесайд, здесь открывается вид на огромные просторы реки Лиана, вода здесь обычно всегда тёмного синего оттенка. Кучер открыл дверцу, подав мне руку первой, с её помощью я опустилась на землю и сразу обратила внимание на припаркованный пароход с издевательской надписью «Villar-Ellesaid-Whisper. Liana's company», ровно в этот час каждую неделю небольшое белое судно перевозит людей по трём крупным портам в главных торговых городах штата, сегодня он увезёт меня в Виспер.

Когда отстояли очередь и попали на борт, моё внимание привлекла уютная и аккуратная обстановка, на этом пароходе я плыву в первый раз. Внутренние стены покрыты тёплой деревянной панелью – гладкой, с лёгкими резными узорами, придающими помещению ощущение тепла и света. Большие круглые окна с прозрачными стёклами пропускают мягкий солнечный свет и открывают вид на реку. Через них я вижу мерцающую поверхность воды и дальние берега, слегка качающийся силуэт деревьев. Коридор, окаймлённый деревянными поручнями и лепниной, ведёт к пассажирским салонам и каютам. Внутри просторное главное помещение, где расположены мягкие кресла и диваны, покрытые яркими тканями, место для отдыха и бесед. Вдоль стен – деревянные шкафчики и небольшие столики, на которых лежат книги, газеты и чайные чашки. Возле окна столик с мелкими деталями: чайник, сахарница, яркие портреты или картины – всё это создает атмосферу домашнего уюта. Я с удовольствием разместилась на кресле багрового оттенка, закинув ногу на ногу.

Тётушка следовала позади меня, с невозмутимым видом она скинула с плеч свой платок и шлёпнула меня им по коленке, заставляя опустить ногу и сесть ровно.

– Юные леди так не сидят, – тихо ответила Розалин на мой вопросительный взгляд.

– Ты ко мне придираешься.

– Вовсе нет, – ответила она и, будто насмехаясь, закинула ногу на ногу, повторив позу, в которой мне сидеть она не разрешила, уселась на диван сбоку от меня, обычно я не обращаю внимание на её наставления, но сейчас это заставило меня злиться – сама же позволяет себе всё что захочет, сидит как хочет, идёт куда хочет, переезжает куда хочет, моё мнение не учитывается. Я почувствовала, как мой нос сморщился от раздражения, однако я ничего не ответила, лишь отвернулась в сторону людей, которые продолжали прибывать. Кто-то шёл по коридору, где расположены двери к личным каютам – небольшие, обычно обитые тканью, сами двери выглядели тяжёлыми, заметно скрипят от износа. Вскоре в салон вошёл экипаж, его быстрые движения свидетельствовали, что приготовление закончено. Вдоль стены застучала кочерга, и появился тонкий запах дыма, пароход начал работать мощнее. Пока судно трогалось с места, голос капитана прозвучал через громкоговоритель, и я поняла: мы начали наш путь. Внутри стонали деревянные стены, и был слышен ритмичный шум работы машин.

Я ощутила лёгкое покачивание парохода, и сердце моё наполнилось некой скорбью. Наступил момент, которого я боялась больше всего, – тишина, мне нравится отвлекать себя каким-нибудь делом от мрачных мыслей, но, стоит мне остаться наедине с собой, заикнуться на чём-то вроде речной глади за окном, и всё, разум туманится оумом. Сейчас мне тяжелее скрыть эмоции, и я ненавижу это чувство, особенно когда рядом Розалин, она никогда не терпела слабости, никогда не была особенно нежна, со мной она открыта, но и всегда отстранённая, она требовала от меня послушания, идти за ней без лишних вопросов, со временем я научилась. Иногда пусть и сбегала, обманывала, попадала в передраги, но всё равно боялась её разочаровать, иногда от неё веет чем-то дьявольским, и мне бы не хотелось столкнуться с её внутренним штормом. Невольно я и о Маргарет подумала.

Чем она сейчас занята? Наверное, собирается в школу для леди, зайдёт ли за свежими пышками по пути? Хотя... обычно она едет на дилижансе, это я любитель ходить по городу, без меня она снова начнёт ходить везде с кучером. Главное, не забыть написать ей о прибытии, а то она обидится, я часто забываю о письмах. Вдруг я забуду, потом она забудет, встретимся однажды, а она даже не поздоровается, будем как чужие, найдёт другую подругу, я никого не найду, буду гулять одна, учиться одна, шутить сама для себя, сплетничать только в мыслях, потом Розалин выдаст меня замуж, вокруг будет куча наших с мужем детей, и больше никогда в жизни я не сяду на лошадь.

Лошадь.

Вдруг мою Барбару купят нехорошие люди, будут её бить, обижать. Она рождена для галопа по лесам Вестберри, а купят её владельцы ранчо и заставят поле пахать, будет грязная, грива спутается, забудет, как прыгала со мной по поваленным деревьям, как летели брызги от её копыт, когда мы попадали в болотную местность. Вдруг она по мне будет скучать, так и умрёт на ранчо в огороде...

– Вот она, та толстая тётка у окна, – шепнула мне тётушка, нагнувшись ко мне ближе, сразу отвлекая меня от рассуждений. Я обратила внимание на группу людей у небольшого круглого окна, куда показывала Розалин, там стояла полная дама в обтягивающем бордовом платье, напоминала мне яблоко на палочке, волосы её собраны назад, а сверху маленькая шляпка с перьями. Ещё более несуразный вид ей придавал мужчина рядом, тощий и седой, монокль отвратительно впился в его скулу, пышные усы скрывали все губы. Вид этих двоих отталкивал, но видно, что одежда на них дорогая, типичная мода столичных аристократов, на удивление люди стремились с ними взаимодействовать, улыбались, здоровались, собирались в кучку и старались насмешить даму. – Миссис Браун, а рядом её бедолага муж, он владелец нескольких аптек в штате, – продолжила тётушка. Этот доходяга – её муж? Она явно его объедает.

– Ничего не поняла, при чём здесь эта женщина?

Розалин отстранилась от меня, оставив без ответа, встала, поправила платье и двинулась к ним, настолько быстро, что я даже напряглась в кресле. Войдя в пучину людей, крутящихся вокруг странной богатой парочки, тётушка театрально вздохнула и упала в объятия одного из мужчин в их компании. В мгновение я испытала смущение и стыд, люди на пароходе один за другим начали оборачиваться на происходящее, неужели мы и правда родственники, повезло, что я не пошла за ней.

– Ох! Стыд-то какой... – Розалин отпрыгнула от мужчины, сбрасывая его руки с себя, миссис Браун, её муж и ещё несколько мужчин замолчали и замерли на месте. – Прошу прощения, господа, от этих раскачиваний по воде ужасно кружится голова! Думала прогуляюсь, как неловко...

– Милочка! Вам же, наоборот, нужно присесть! – миссис Браун принялась махать своим веером на тётушку. – Может, вам на палубу? Там воздух свежий, меня саму иногда укачивает!

– Мне стало намного лучше от вашей заботы, миссис... Браун? Кажется, мы с вами виделись на балу в честь дня рождения вашей дочери? Я Розалин Лайтсайд, – Розалин приветливо протянула руку.

– Ой! Где же мои манеры! Мисс Лайтсайд, я вас помню, вы написали чудесную статью о нашем празднике, мне было очень приятно читать, как вы хвалили игру моей Дороти на фортепиано.

Миссис Браун захохотала, ещё сильнее выделив свои круглые щёки и огромный мягкий подбородок. Она перекинула веер из правой руки в левую и пожала ладонь Розалин.

– Мисс Лайтсайд! Какая чудная встреча! – вежливо и с улыбкой, от которой пышные седые усы приподнялись кончиками вверх, кивнул мистер Браун.

– Какая честь! Мы с супругой с удовольствием ждём новых газет! Какими судьбами вы направляетесь в Виспер? – один из мужчин подхватил ладонь Розалин обеими руками и кротко поцеловал.

– Господа! Не смущайте меня, мой долг – писать всю правду о нашей великой стране, мне приятна ваша похвала, – тётушка оглядела людей вокруг себя, несколько джентльменов и дам, услышав знаменитое имя в Эллесайде, подошли поближе, желая расслышать подробности беседы. – В Виспере живут пара-тройка моих хороших друзей, хочу их навестить, пока там не слишком холодно.

– А мы тоже едем к нашим хорошим друзьям, они держат знаменитый паб «Дублинская тройка», жду не дождусь отведать их знаменитые имбирные пряники! – воодушевлённо заулыбалась миссис Браун. – Дорогая, вы просто обязаны заглянуть к нам на покер, в пятницу в пабе соберётся много гостей, прошу вас, составьте нам компанию!

– Ох, благодарю за приглашение! Я бы с радостью, но, знаете... слышала, там ужинают мексиканцы.

– Прошу прощения? – удивлённо спросил мистер Браун, переглянувшись с одним из мужчин. Я заметила, как люди вокруг стали тише и, уже не скрываясь, поглядывали на тётушку, умеет она овладевать вниманием общества.

– Знаете, почему я, несмотря на свой недуг, решила плыть пароходом, а не в комфортном дилижансе? – тихо и спокойно произнесла Розалин, тут же снова симитировав небольшое головокружение, заставляя публику замереть в ожидании продолжения. – Совсем не потому, что по реке Лиана добраться быстрее, меня недавно по той дороге... ограбили!

– Да вы что?! Какая напасть! – воскликнула миссис Браун, люди вокруг громко начали перешёптываться, судно наполнилось переговорами. – Мою Дороти тоже ограбили тем же маршрутом не так давно, да, дорогой? – продолжила женщина, а её супруг огорчённо закивал в ответ.

– Это не простые грабители, это была целая банда! Они колесят по штату и грабят дилижансы, все эти нападения начались с момента, как им дали американские паспорта в штате Техас. Нет сомнений, что это выходцы из Мексики! У них там своя культура, знаете ли, – возмущённо рассказывала тётушка. – Вашей дочери повезло вернуться домой, в комиссариате много заявлений о пропаже юных девушек после ограбления, говорят, крадут и увозят куда-то на продажу, как это было с чернокожими.

– А ведь Дороти говорила, что у грабителей были странные одежды... Бог мой! И они воруют девушек?!

– Да, миссис Браун, поверьте, я знаю, о чём говорю, я всё-таки журналист, прямо сейчас готовлю материал по этим происшествиям.

– Храни нас всех Господь! Сами же впустили в свою страну этих грязных бандитов!

– И не говорите! Они же там ещё без конца на карантине, вы думаете, почему в Эллесайде часто отсутствуют алкогольные напитки? Их ведь везут из Рио-Гранде, а у них стабильно гуляет туберкулёз!

– О-ой! – миссис Браун чуть не упала в обморок, но дряхлые сухие ручки её мужа на удивление смогли её удержать. – Ты слышал, Гектор? Мы ещё и пьём этот алкоголь! – толпа наблюдателей обеспокоенно переглядывалась, кто-то бурчал себе под нос, что рассказы эти небылица, а кто-то принял настороженный вид. Одна я здесь не понимала, к чему это выступление, Розалин никогда не говорила мне, что её кто-то грабил.

– Рада была с вами поговорить, но меня снова укачивает, до встречи, господа, мне нужен свежий воздух, да и моя племянница уже долго сидит одна, – Розалин развернулась и оглядела меня. – Шарлотта, дорогая, пойдём, составишь мне компанию, вдруг я упаду за борт, – наигранно залепетала тётушка, подзывая меня к себе.

Как только я подошла и подхватила тётю под локоть, её эмоциональное выражение лица сменилось, губы выровнялись, лицо расслабилось, глаза выражали немного презрения и брезгливости, мы прошли к выходу на палубу мимо оживлённой толпы, не прекращающей споры после услышанного.

– Тётушка, что это было вообще? Тебя действительно ограбили? – спросила я, как только мы оказались подальше от людей на верхней палубе – на открытой зоне, где пассажиры могут прогуляться, вытянуться и ощутить свежий воздух.

– Нет, не грабили, – холодно ответила Розалин.

– Тогда откуда ты знаешь, кто ограбил эту Дороти?

– Я понятия не имею, кто её ограбил, – тётушка высвободилась из моей руки и облокотилась передом на деревянные перила, украшенные резьбой, довольно и немного «по-злодейски» осмотрела речные просторы. – Я просто знаю, что с ней произошел такой инцидент, мне лишь нужно было подкинуть её матери мысль о мексиканской банде. Эта откормленная женщина первая сплетница в узких кругах, любящих поиграть в покер среди «своих», она быстро разнесёт свои переживания нужным людям.

– Я не понимаю, зачем тебе это?

– Дорогая... – раздражённо вздохнула Розалин. – Ты думаешь, работа журналиста – это бегать по городу и искать сенсацию? Иногда сенсацию нужно создать самому.

– Ты хочешь сказать, что в будущем это может стать статьёй в газете?

– Вполне вероятно, пока что просто наблюдаем.

– Но это... как-то странно.

– Отчего же?

– Ты узнаваемый человек в Эллесайде, от твоего имени было много громких статей, неужели они все созданы так?

Тётушка молча смотрела на меня и не отвечала на вопрос, тут же я поняла – я должна молчать, мой вопрос был неуместен, её глаза выражали что-то высокомерное, будто, несмотря на наше родство, я не достойна копаться в её делах, поэтому я не хотела уезжать, в Эллесайде были люди, перед которыми мне не нужно было строить из себя чёрт пойми что. Гнетущий взгляд Розалин вынудил меня отвернуться и уставиться на небольшие синие волны под паромом, она снова показала мне моё место – послушное дитя, которое она вырастила, позволила мне быть её племянницей, росла, но не мешалась рядом. Я ей благодарна, но я видела любовь между Марго и её мамой, будь у меня родители, я, наверное, была бы совсем другой. Розалин так ничего и не сказала, я чувствовала, что на меня она больше не смотрит, для чего же она рассказала тем людям неблицы? Почему именно мистеру и миссис Браун? Мексиканские банды, ворующие девушек... Что-то сейчас противно откликнулось в груди, неприятное ощущение, как перед исповедованием в церкви, будто что-то грянет, но что... пока не представляю.

Ночь выдалась спокойной, на удивление спать под лёгкие раскачивания оказалось приятным, мне бы хотелось полежать ещё немного, но команда парохода громко объявила о прибытии в Виспер. Я стояла у окон, глядя, как люди проверяют чемоданы, двигаются к выходу и начинают спускаться на землю, их лица полны облегчения – пусть завершился благополучно. Наш кучер уже подошёл с багажом, так что и мы последовали в очередь.

– Сними шляпку, – Розалин указала на мой головной убор, прежде чем выйти на трап. Меня удивила эта идея, я сняла шляпку и прижала её к груди. Выйдя на трап, я поняла, к чему это было, мне в лицо тут же ударил прохладный и пыльный ветер, глаза зажмурились, а

нос невольно поморщился, пришлось прикрыть лицо рукавом, даже шляпка чуть не вылетела из моих объятий в сторону волн Лианы. Вместе с ветром до меня дошёл аромат сырости и немного рыбы из-за торговцев, разместившихся неподалёку от порта, желая продать свежий улов как можно скорее.

– В Виспере дамы шляпок не носят, – задорно продолжила тётушка и поспешно зашагала по трапу вниз, сливаясь с толпой других пассажиров, сзади меня слегка толкнули с просьбой не занимать проход, и мне пришлось поспешно спуститься по лестнице, чувствуя, как ноги слегка дрожат от волнения. Впереди – неопределённость и неизвестность, словно туман, скрывающий всё хорошее и привычное. Я почувствовала, как пряди от ветра выбились из косы и защекотали лицо, мои руки невольно прижались к груди от холода, дышать неприятно – воздух грязный, *какой отвратительный город*. Спустившись с мостика мне удалось догнать Розалин с кучером,

– Не волнуйся, здесь не всегда так. Солнце бывает тёплым, дожди проходят быстро, ты привыкнешь, – объяснила мне тётушка, заметив моё смущённое выражение лица. В отличие от меня, она выглядела довольной и... нетерпеливо радостной, тёмные круглые очки ещё сильнее потемнели от наседающей пыли, и она не спешила её смахнуть, щёки загорелись румянцем, посмотрев на неё, я поняла – она дома, у *себя* дома. Ветру, от которого я морщусь, тётушка улыбалась, встречая как старого друга. Может быть, я действительно привыкну и мне здесь понравится, всё-таки это родина моих родителей, когда-то они были здесь, шли по этой улице, встречая приезжих в порту, на мгновение мне захотелось прочувствовать эту связь, но не получилось. Шум этой улицы и голоса звучат чуждо и отдалённо – всё это кажется слишком пустым и пресным по сравнению с яркой столицей. На чуть-чуть я обернулась на пароход с ощущением, что сейчас прощаюсь с чем-то ценным, что осталось там, мои последние мелкие воспоминания о доме.

Розалин мельком переговорила с кучером, раздала указания, воодушевлённо откинула пряди тёмных волнистых волос с плеча и подхватила меня под руку. Я поддалась тётушке и зашагала с ней вдоль улицы, ветер позади окутывал наши длинные юбки, крутился под ногами, нетерпеливо подгонял, я невольно позавидовала кучеру, зашагавшему к припаркованным телегам, мне бы сейчас хотелось попасть в тёплый дилижанс и добраться до *дома*, где могла бы спрятаться от суматохи.

Розалин без умолку рассказывала о городе, указывала на высокие здания, резные дома, они были почти как в Эллесайде, только фасады строгие, преобладали багровые цвета из-за кирпичных построек, улицы такие же широкие, но не наряженные, как в столице. С новым порывом ветра с дорог поднимался песок в воздух, и город тут же на мгновение окрашивался редкими солнечными лучами, выглядывающими из-за туч, в глаза сильнее бросилась пустота, деревьев мало, дворы не украшены кустарниками, даже привычных мне заборов и проулков не было, весь Виспер открыт передо мной как на ладони, кругом каменные тротуары, а вдали бедные высушенные поля с жёлтой травой. Честно говоря, тётушку я сейчас не слушаю, иногда киваю ей на вопросы, мне правда интересно рассматривать для себя совершенно другой город с другой природой, где я никогда ещё не была, но внутреннее смятение желает тишины и покоя.

Опустила взгляд с домов ниже и увидела кое-что более удивительное – люди, разгуливающие по улицам, в Эллесайде я привыкла видеть большое количество коней и дилижансов, но здесь их гораздо меньше, девушки без шляпок и в свободных платьях, пиджаках и пальто, без столичных манер, без привычных солнечных зонтов перебегали по дорогам, выглядит дико и не утончённо, а мужчины заметно громче вели разговоры у бутиков, все в хороших одеждах, но можно заметить, что мода здесь совсем не главное. *Здесь ценят практичность?* Пока что я не увидела ни одного чернокожего, в моём родном городе их часто можно встретить среди работников заводов или у порта.

Мы прошли мимо местного банка, оттуда вышли мужчины в странных для меня одеждах, не часто видела такую культуру раньше, один из них бесцеремонно посмотрел прямо на

меня, и я на мгновение растерялась от настолько тёмного цвета его глаз, как вечерний закат, тёмные волосы, чуть зачёсанные назад, и усы, пышные, длинные, от него веяло неким *мужским и чужим духом*. Сразу же опустила взгляд, но успела оглядеть необычный наряд: Он был одет в длинную сорочку, по виду из грубой ткани, с вышивкой. На плечах у него широкий плащ, скрывающий фигуру, а на голове широкополое... сомбреро? С трудом вспомнила, как называется такая шляпа, в Бастилии на маскараде гости часто надевают такие – кажется, их носят на палящем солнце в штате Техас. Я почувствовала неприязнь. Непонятную, тяжёлую и чужую. Мысли о его тёмной, оливковой коже закрались в мой разум, вызывая внутри неудобство и отвращение, не такое, как от чернокожих мужчин, к ним со временем привыкаешь. Это был старый страх неизвестности, страх отличия. Услышав от тётушки «здесь комиссариат, старенькое здание, совсем не изменилось за столько лет...», мне стало спокойнее, в городе есть констебли, значит, порядок, должно быть, соблюдается.

Всё ближе мы приближались к самому красивому, по моему мнению, зданию, немного багровое и розовое сооружение, с широким возвышающимся крыльцом, наверху я разглядела внушающее название «Отель «Корморант», вокруг него было много людей и коней, раздавался смех и вздорные крики, мне показалось это место довольно светским. Мы с Розалин без промедлений влились в этот оживлённый уголок, поднялись по ступеням к расписным дверям, где вежливо улыбался швейцар. Учтиво кивнув, он распахнул двери, и передо мной открылся вид на изящные розовато-песочные стены с мелкими рисунками, консьержи носили на подносе бокалы, изредка протягивая их гостям, столпившимся с чемоданами в большой приёмной. Я чувствовала себя немного потерянной и непроизвольно пожелала спрятаться за спиной тётушки, та, в свою очередь, прокралась к миловидной старушке у большого деревянного стола.

– Добро пожаловать, дамы! На чьё имя забронирован номер? – старушка поправила очки и начала быстро перелистывать помятые страницы большой книги.

– Будьте добры номер на имя Розалин Августа Лайтсайд, – ответила тётушка.

– Госпожа Лайтсайд! Ох, как мы вас ждали! – старушка поспешно, переваливаясь с ноги на ногу, поспешила взять ключ на стене позади себя. – Позвольте сопроводить? – по-доброму добавила она, со звоном опустив ключ на стол.

– Не стоит, Нэнси, я помню, где находится моя комната, – ответила Розалин и, махнув мне, направилась по коридору. Я ожидала, что сейчас мы поднимемся на самый верх и я напишу Марго о прекрасном виде на город из окон, но разочаровалась, увидев, как тётушка открывает деревянную дверь на этом же первом этаже, не так далеко от большого приёмного зала.

Глава 1. Часть 2

Близился вечер. В окна, выходящие на мэрию, бились лучи заката, наконец-то мне удалось увидеть встретить солнце, которого не было весь день. Багаж уже доставили, мне даже удалось немного освоиться, заполнить шкаф, проверить все комоды, к сожалению, они были пусты, мне хотелось найти что-то забытое, возможно, что-то личное из молодости тётушки. Наш номер не сильно отличался интерьером от холла отеля, почти такой же розовато-коричневый, с узорами на стенах, на удивление пространства было много для нас двоих: гостиная с печным отоплением, оформленная как камин, там стоит фортепиано, пара кресел, диван, письменный стол. В гостиной расположилась тётушка, а мне она отдала отдельную комнату, которая раньше была её спальней, эта идея меня подбодрила, целая личная комната с замком, правда, чтобы пройти к ванной комнате, всё равно придётся идти через гостиную с Розалин.

Я покрутилась перед высоким зеркалом, горничные подготовили для меня мой вечерний туалетный наряд, мы купили его не так давно в Эллесайде: скромное нежное платье карамельного цвета с длинным рукавом, такие платья я люблю, юбки у них свободные и не сильно пышные.

– Шарлотта, дилижанс нас уже ожидает, пора выходить, – тётушка вошла ко мне без стука, в своём новом костюме, белый воротник с приталенным жакетом тёмно-зелёного цвета, и длинной, немного собранной в самом низу юбке. Её наряд более строгий, под стать возрасту, мне нравится, как она прелестно выглядит, когда наряжается. Тётушка, торопясь, подошла ко мне, развернула к себе спиной и сильнее подтянула шнурки корсета сзади, от чего из меня вырвался тихий кашель. – Ты румянилась? Всё равно какая-то бледная, – пощипала меня за щеки Розалин.

– Ну хватит, в самом деле, мы же не на бал идём, – заворчала я.

– Там будут мои хорошие знакомые, я хочу показать тебя во всей красе.

Подобрав свой веер, я последовала за тётушкой на выход. Мы вежливо попрощались с той милостивой старушкой у стойки, а после швейцар проводил нас к дилижансу. Сегодня Розалин познакомит меня со своим окружением, с людьми, с которыми выросла. Должна признать, этот город менее суетлив, чем Эллесайд, здесь мне спокойнее, пусть я провела тут всего чуть меньше суток. Солнце окончательно спряталось где-то далеко за горизонтом, люди на улице шли уже в более теплых пальто и плащах, вид вечернего Виспера радовал меня, ветер стих, прохлада стала куда более свежей.

С Розалин я особо не разговаривала, она без конца крутила кольцо на пальце, явно нервничая, такой её видеть непривычно, весь день она была вдохновлённой и лепетала о своих забавных воспоминаниях из детства, даже иногда упоминала своего брата – моего отца, а к вечеру стихла. Я ожидала очередное напутствие о том, как правильно стоять, сидеть, говорить, особенно с её давними знакомыми, хотя на её месте я бы тоже волновалась перед встречей с теми, кого не видела много лет.

Дилижанс начал останавливаться, на улице слышался шум толпы. Я взглянула в небольшое окошко и обратила внимание на не менее красивое крыльцо с широкими узорчатыми окнами, а в них столы и танцующие гости. Никаких сомнений, перед нами ресторан, двери были раскрыты, будто приглашая всех горожан внутрь. Кучер помог мне вылезти, и моему взору предстала вывеска «Английский уголок», неужели здесь действительно много англичан, судя по всему, это небольшой кусочек моей *родины*, где я никогда не была, но наши предки, чья кровь течёт в наших с тётушкой жилах, перебрались в великие штаты Америки оттуда.

Тётушка крепко взяла меня под руку. Я повернулась к ней, она улыбалась мне, в её взгляде я видела умиротворение и смелость, тут же я почувствовала удивительную силу, которая бывает, когда рядом с тобой близкий человек. Мы зашагали в унисон в парадную ресторана. Что-то влекло меня и тянуло поскорее влиться в эту атмосферу: играла музыка, раздавался смех, все нарядные и весёлые, здесь не сидели строго за столами, каждый в своей компании, как это обычно в Бастилии. Чувствовалось, что люди тут куда проще и счастливее.

Ресторан был ярким, солнечным, просторный холл со столами, деревянной стойкой, где крутились работники, а сбоку резная лестница на второй этаж. Мои глаза бегали по всем углам, рассматривали всё, мне здесь определённо нравилось. Внезапно Розалин взяла меня за руки и с широкой улыбкой потащила в танцующую толпу. Я не могла отказаться, атмосфера здесь побуждала меня закружиться вместе с людьми, впервые с прибытия мне весело и я не вспоминаю Марго. Женщины без стеснения подхватывали и кружили меня в танце, мы перебежали с одной стороны на другую, передо мной менялись мужчины один за другим, так продолжалось вечно, музыка не заканчивалась, и я вынырнула из хоровода, желая отдышаться, однако это давалось мне тяжело из-за смеха, который я никак не могла остановить. Тут же рядом оказалась Розалин, она придерживала себя за живот и широко улыбалась, тоже громко глотая воз-

дух. Этого мне не хватало за последние сутки. Рядом со мной что-то разбилось, это была бело-снежная тарелка, она упала с подноса официально и разлетелась на треугольные осколки. Тут же танцующие гости зааплодировали и закричали: «На счастье! На удачу!»

– Да что же это такое, Генри! Уже которая посуда за неделю, живо прибери тут, пока никто не наступил! – активно жестикулируя, кричал мужчина в строгом фартуке и с густыми чёрными усами. Он без стеснений ругал официанта, махал кому-то на кухне, подзывая помочь. Мужчина оглянул гостей, на мгновение остановил взгляд на нас, ещё через мгновение он замер, не отрывая глаз от Розалин. Я обратила внимание, что и она смотрит на него, немного задумчиво, будто сомневается и обдумывает что-то.

– Да не может быть такого... – тихо, но отчётливо сказал мужчина. – Розалин?.. – неуверенно добавил он и прижал ладонь к груди.

– Розалин Лайтсайд, мистер Лаграс! Что за манеры? – шутиливо спросила тётушка, вежливо посмеявшись.

– Розалин, да как же это... – мужчина спешно подошёл к нам, почти бесцеремонно хватая тётушку за руку. – Как это вы здесь? Столько лет ведь... – он крепче сжал двумя руками ладонь тётушки и поцеловал, пока та смущённо смеялась, разглядывая *мистера Лаграса*. – Вы какой уехали, такой и вернулись, мисс, – Лаграс даже облегчённо выдохнул и улыбнулся. Однако кое-что меня смутило, посмотрев на меня, он будто испытал неприязнь и отстранился. Мне невольно захотелось себя понюхать, неужели я отпугиваю своим запахом. – Генри, мать твою! Живо зови господина! – прокричал он официанту, всё еще подметавшему осколки посуды с пола.

– Розалин? – тут же показалась около деревянной стойки светловолосая, по виду молодая девушка. Она медлила лишь мгновение, а затем сорвалась со своего места, присоединяясь к нам.

– Элеонора, дорогая! – Лаграс посторонился, и тётушка обняла незнакомку. Объятия были крепкими, девушку по виду переполняло удивление и эмоции, когда она отстранилась, оглядывала Розалин снизу вверх и обратно, не скрывая радости. Резко переключилась на меня, отпустила тётушку и осторожно начала приближаться, мне даже пришлось сделать небольшой шаг назад.

– Ты же... – спросила Элеонора неуверенно, не спуская с меня глаз.

– Ты так выросла! – она аккуратно взяла меня за руки, мне было неловко, я совсем не знаю и не помню эту женщину. – Шарлотта... *Ты ведь копия своей матери*.

Она знала мою маму? С этого момента она стала мне интересна, мне захотелось уточнить подробнее, чем я похожа на неё? Знает ли она, какой была мама?

– Легендарный вечер! – услышала я мужской голос за спиной Элеоноры, которая всё ещё разглядывала меня, но на голос, будто по команде, она ослабила хватку и развернулась встать рядом со мной. Из кухни вышел высокий светловолосый мужчина, у него были красиво уложенные такие же светлые усы, молодой, где-то до 30 лет, изящно одет: костюм коричневых и зелёных тонов. В руке его была трость, не такая «старческая», какие я обычно видела, а чёрная, резная. Он довольно улыбался, взгляд его был тёплый и приятный, но чем-то немного пугал. – Снова мы здесь все вместе, Роузи! – он раскинул руки для объятий. Роузи? Он мою тётушку назвал *Роузи*?

– Альберт! – Розалин двинулась с места и подбежала к мужчине, сразу бросаясь к нему в объятия, он подхватил её одной рукой за спину, приподнял и закружил вокруг себя. Тётушка смеялась как девчонка, а я полностью погрязла в смятении, это неприлично, непристойно. Когда он опустил её на землю, они начали быстро переговариваться о чем-то своём, было слышно, как Розалин смеётся над тем, как он отрастил усы и возмужал.

– Для тебя это всё так сумбурно, да? – заговорила со мной Элеонора. – Это близкий друг Розалин, его матушка приглядывала за ней, когда Карлайл работал, они были *не разлей вода* до того, как... – мистер Лаграс резко прервал её, немного толкнув в бок.

– До того, как вам пришлось переехать, – добавил Лаграс. Я лишь молча кивала, открытость этих людей пугала меня, они не соблюдали манер, привитых мне тётушкой, но больше всего для меня было странно слышать их комментарии о прошлом, о том, что они знали меня, знали мою семью. Несмотря на такой тёплый приём и радостные объятия, за все свои 14 лет я не слышала ни об одном из этих людей. Была только я и моя тётя, маленькая семья британского происхождения, когда-то мне было интересно узнать о Виспере, но я так привыкла к молчанию Розалин, что перестала спрашивать, мой маленький мир устраивал меня, моя жизнь в столице была мной любима. *Что, чёрт возьми, здесь происходит?*

– Шарлотта, дорогая, позволь мне представить вас! – я улыбнулась тётушке, которая под руку подвела ко мне таинственного светловатого мужчину, с которым вульгарно обнималась. – Это мистер Труман. Альберт – мой очень давний близкий друг.

– Я рад приветствовать вас в моём ресторане, мисс, – мужчина достаточно нежно коснулся моей руки, подвел её ближе к себе и учтиво поцеловал. Я удивилась, насколько он высок вблизи, даже тётушка, имея высокий аристократический рост, казалась ниже Альберта не меньше чем на голову. И этого человека она назвала близким другом, который не пил с нами чай ни разу, не бывал в гостях, о котором тётушка даже не упоминала.

Мистер Труман пригласил нас поужинать. Нас сопроводили по деревянной лестнице на второй этаж заведения, было немного грустно покидать энергичный первый этаж с танцующими гостями. Наверху всё так же играла музыка, было выделено место для музыкантов, все они играли на инструментах, смело скажу – играли очень хорошо, однако место фортепиано было свободным, на нём никто не играл вовсе. На втором этаже больше сидели за столами прекрасные дамы и господа, не было ни одного стола без бокалов, судя по всему, выпить здесь любили, причём именно шампанское, в Эллесайде я чаще встречала, как пьют бренди.

Мы расположились за большим круглым столом. Я рядом с тётушкой, а она рядом с Альбертом. К нам также присоединились уже относительно знакомые мне Элеонора и мистер Лаграс. Следом за ними присоединились ещё несколько мужчин средних лет, они не представлялись, и тётушка с ними не здоровалась, так что я не заикливалась на них внимание. Все они между собой обсуждали незнакомых мне людей, Розалин что-то спрашивала, иногда делилась жизнью в Эллесайде, однако они ни разу не говорили больше о моих родителях, тётушка будто намеренно обходила тему своего брата, вспоминая что-то из детства. Со временем я перестала вслушиваться, в этом нет смысла, я лишь ковыряла запечённую рыбу в своей тарелке, от скуки начала наблюдать за мистером Труманом. Альберт не особо учувствовал в разговоре, периодически он оглядывал людей за столом, мягкая улыбка никогда не слезала с его лица, подчёркивая чёткие и мужественные черты. Тогда вблизи я обратила внимание, что глаза у него светлые, однако на таком расстоянии они казались темнее и даже немного пустыми. Сидел он далеко не в зажатой позе, широко раскинул ноги и облокотился на стул, держа ладонь на столе, иногда он постукивал пальцами, когда они все смеялись над чем-то своим.

Альберт подхватил мой взгляд и спросил:

– Юная мисс, вы плохо едите, вам у нас не нравится? – он наклонился ближе к столу, выравнивая спину, всё так же улыбаясь, в этот раз я даже немного разглядела ровный ряд зубов из-под усов.

– Что вы, мистер Труман. Кухня здесь очень даже хороша, – мне стало неловко от того, как остальные затихли и смотрели на меня.

– Надеюсь, мы ничем не уступаем столичным ресторанам.

– Здесь намного лучше, – вежливо улыбнулась я. – Не помню, когда в последний раз мне хотелось танцевать от музыки в ресторанах. Даже в Бастилии мне бывало чуждо, только вот... я заметила, что у вас никто не играет на фортепиано.

– Да, большое упущение, – Альберт взглянул на клавишный музыкальный инструмент и вернул внимание ко мне. – Тяжело найти хорошего музыканта здесь, я уже готов отдать любые деньги, на кону важное мероприятие.

– Альберт, я думаю, что Шарлотта могла бы сыграть, – Розалин воодушевленно присодинилась к разговору. – Она с детства обучается музыке, а игра на фортепиано у неё была чаще всего. В Эллесайде её талант хвалили.

Перспектива играть в ресторане меня пугала, я никогда не любила выступать, но возражать тётушке невежливо, так что я лишь кивнула, попрошу её отказаться от затеи позже.

Альберт невероятно обрадовался словам Розалин, его улыбка стала шире и чётче. Он махнул официанту и, когда тот наполнил бокалы шампанским, взял один, немного приподняв над столом.

– Роузи, под твоим надзором кто угодно заиграет лучше любого композитора, я помню, как ты сама чудесно играла. – Тётушка смущенно отмахнулась и тоже взяла бокал, не помню, чтобы когда-то видела тётушку играющей на каком-либо инструменте. – Выпьем же за нового музыканта! Боже, храни королеву!

Альберт поднял бокал выше, и остальные последовали примеру, приветствуя тост, почитая королеву. Я тоже поприветствовала королеву Викторию, пусть я никогда не была за пределами Америки и толком не понимаю кто это, но тётушка всегда говорила, что нет ничего важнее английской крови, где бы мы ни находились. Однако через мгновение мистер Труман отстранил свой бокал от бокала Элеоноры.

– Миссис Харпер! Это ещё что такое? Кто садится за стол в рабочих перчатках? – возразил Альберт.

– Бог мой! – засмеялась Элеонора. – Я сегодня совсем заработалась, прошу извинить, господа, – она поставила бокал, быстро смахнула перчатки с рук. Я заметила у неё на правой ладони линию тонкого шрама, будто после идеально ровного пореза, прямо вдоль, что удивительно, *ведь у моей тётушки шрам точно такой же*, тоже на правой ладони, прямо вдоль.

Все в нашей компании ухватились за бокалы и продолжили желать друг другу здоровья, выпивая шампанское один за другим, а я же не смогла перестать думать об увиденном, аккуратно пыталась подглядеть шрам Элеоноры, не показалось ли мне. Нет! Не показалось! Я даже сравнила с тем, который у тётушки. Они почти идентичные. Удивительно, но, целенаправленно посмотрев на руки мистера Лаграса, я заметила, что и на его ладони есть такая же линия: тонкий, аккуратный шрам. По животу будто ударило током, по мне прошлось лёгкое чувство беспокойства, я обратила внимание на руки тех незнакомых мне мужчин, которые также отдыхали с нами и... у каждого из них обнаружили идентичные шрамы на правой ладони. *Прямо вдоль*. Мне стало дурно, жутко дурно. Не могут у такого количества людей быть одинаковые порезы на руке, по телу даже побежали мурашки. Есть ли такой же и у Альберта? Я тут же посмотрела в его сторону, но его ладонь мирно лежала на столе, он совсем не жестикулировал, как остальные, однако я продолжила смотреть в надежде уловить момент, странное совпадение не давало мне покоя.

Моя кровь застыла в жилах, когда рука Альберта, сжатая в кулак, не спеша перевернулась ладонью вверх и ненавязчиво раскрылась. Я понимала, что это движение было сделано *специально для меня*. Он следил за мной! Я постаралась сохранить спокойный вид, будто совсем ничего не рассматривала, и подняла глаза на него. Альберт и правда смотрел на меня, немного изучающе, но всё так же по-доброму. Несмотря на его приветственный вид, что-то внутри меня умоляло не показывать ему моего немого вопроса, сделать вид, что ничего не произошло. К слову... на его ладони шрам отсутствовал.

ТГК: Авторство Райдан

Глава 2

Глава 2. Боже, храни королеву.

Розалин Лайтсайд, 1884 год

И вот я тут. Когда-то очень много лет назад я забегала в эту ювелирную лавку по 5 раз на дню. До чего же меня воротит сейчас это крыльцо, эта убогая старая вывеска, пошарпанная дверь. Ювелирная лавка одно из немногих мест где я могла бы вспомнить брата, это так же единственное место где воспоминания вызывают дрожь под сердцем. Я сделала шаг вперед на ступеньку, приблизившись к входной двери и тут же меня сразил приступ тошноты, настолько сильный, что потемнело в глазах и я отпрыгнула назад будто кошка, которую окатили водой. Ну уж нет... даже спустя года я все еще не могу войти.

Значит, в другой раз. Я поправила платье, немного стряхнув пыль, набежавшую от легкого ветра. Сегодня солнечно, но прохладно, меня это радует, ибо от духоты Эллесайда уже успела порядком устать. На этот день у меня много планов. Первым делом я направилась на главную улицу, где величественно находились самые главные лавки города, особенно много здесь оружейных и охотничьих заведений, в этой части штата популярна охота на бизонов. Среди них на главной улице расположилось не самое приметное, но не менее важное здание – печатное издательство города Виспер. Это особенное место, о котором мало кто задумывается. В Виспере одно из самых независимых издательств штата, сюда приходят самые свежие новости, рождаются самые громкие статьи, издаются самые смелые книги. Однако! Я здесь не для того, чтобы восхищаться, пусть и меня, как журналиста, мучает интерес. Для меня это особая личная ценность, то без чего нас с Шарлоттой бы не было здесь. Альберту нужен свой человек в издании, моя задача – стать им.

У печатного издания на удивление было тихо, не сравнимо с моим изданием в Эллесайде где туда-сюда бегают посетители. Открыв достаточно широкие двери, я вошла, но быстро пробегающий юноша у меня перед лицом заставил мгновенно замереть, избегая столкновения.

Осмотревшись по сторонам, я обратила внимание, что вокруг было много столов и сотрудников, сгорбившихся над печатными машинками, никто из них и глазом на меня не посмотрел.

— Я ищу Патрика Уолш. Где мне его найти? – без церемоний обратилась я к седовласой женщине сидящей за ближайшим ко мне массивным столом, она что-то медленно печатала на машинке, издавая громкий характерный скрежет клавиш.

— А... имя? – спросила она, надменно подняв на меня взгляд из-под своих серых, потертых очков, морщины на её лице выражали усталость и привычную монотонной работе скуку, она создавала неприятное впечатление.

— Розалин Лайтсайд.

— А... минуту, – женщина принялась медленно, со старческой дрожью в руках, ковырять листы бумаги, разбросанные по столу. Я достаточно терпеливый человек, но она копалась настолько долго, что я невольно поморщилась и скрестила руки на груди. В ожидании я принялась изучать остальную часть холла, в самом конце, около коридора, стоял мужчина и о чем-то властно жестикулировал, будто раздавал кому-то указания. Никаких сомнений! Это определенно и был Патрик Уолш, главный редактор издания, он выглядел именно так как мне его когда-то описывала миссис Браун на балу в честь для рождения её дочери: полный, слегка неотесанный и сторбленный, с пышной рыжей бородой, достающей почти до самой груди. Он

закончил о чем-то говорить и вошел в кабинет дальше по коридору. – А... с таким именем на сегодня встреч не запланировано, – наконец-то дала ответ эта медлительная сотрудница, разговаривать с ней бесполезно, я уже это поняла. Не дав ей ответа сразу направилась в тот кабинет куда вошел предполагаемый мистер Уолш. На удивление женщина не возражала, даже не проследовала за мной, насколько же ей уже все равно на всё вокруг себя.

Я быстро прошла по холлу, нужно было сохранять уверенный вид, чтобы никто из остальных работников, коих было достаточно много сидящих за деревянными столами вдоль стен, не успел заподозрить неладное, к счастью мало кто из них отрывался от печатных машинок, чтобы обратить внимание на меня. Оказавшись у двери кабинета, я не постучалась, вошла сразу, захлопнув дверь за своей спиной, не решаясь сразу войти вглубь кабинета. Передо мной был изящный интерьер, огромный лакированный стол, заваленный книгами, темные шкафы, наполненные стопками каких-то бумаг, а за столом согнувшись над тетрадью сидел тот самый мужчина, удивленно уставившийся на меня.

— Мистер Уолш, – обратилась я к нему с улыбкой и самодовольной уверенностью.

— Да, а вы... – мистер Уолш растерянно выпрямился в кресле. – По какому вы вопросу? – профессионально перешел на вежливость мужчина.

— Я Розалин Лайтсайд, я отправляла вам письмо.

— Вот как... – мистер Уолш поправил очки на переносице. – Журналист из пресс содружества Эллесайда. Я, с вашего позволения, буду краток, решения я не изменил, не понимаю более по какой причине вы здесь.

— Понимаю ваше опасение, мистер Уолш, но моё имя достаточно известно, неужели Висперу не пойдет на пользу журналист с матерым опытом ведения государственной газеты?

— Мисс Лайтсайд, скрывать не буду, как коллегу я вас уважаю, знаком с вашими статьями, более того моя давняя знакомая миссис Браун очень лестно отзывалась о вас, но сами понимаете, у нас работа «полевая», не сочтите за грубость, это не ужины на мероприятиях по пять раз в неделю, мы здесь пишем о том, о чем простые граждане не задумываются, расширяем кругозор и освещаем «бытовые» события. Думаете, в дамском платье да в корсете вы сможете среди первых прибыть в лес на очередное убийство от банды Скиннеров? – в этом мистер Уолш прав, от вида крови меня воротит, но что бы он мне тут не рассказывал, есть более истинная причина его отказа, он прекрасно знает с какими людьми я дружу, мне нужно лишь дать ему уверенность в том, что я на *их* стороне, к счастью есть кое-что перед чем этот ирландский выблядок не устоит – возможность насолить английской диаспоре.

— Да, может разглядывать труп я не стану, – руками я показательно и гордо поправила свой наряд, мои юбки и платья никогда не были для меня препятствием в работе, медленно зашагала ближе к мужчине – То, о чем вы говорите не всегда нужно искать по лесам, иногда это ближе чем кажется, – мистер Уолш заинтересованно потер ладони. – Например, ресторан «Английский уголок» сейчас терпит проблемы с поставщиками, в ближайшие дни цены взлетят до небес, особенно на алкоголь, гражданам выгоднее отдать предпочтение более надежному месту, слышала... не так давно снова работает ирландский паб, кажется, «Дублинская тройка»? Как вы думаете достойная альтернатива?

— Соглашусь, удивили, обычно я знаю о таких событиях, но для такой статьи нужно больше подробностей. Почему у Английского уголка трудности? Был какой-то скандал? – мистер Уолш не мог скрыть загоревшейся в глазах идеи унижить английский ресторан.

— Не бесплатно, мистер Уолш, изволите написать об этом?

— Чем вы гарантируете мне правдивость этой статьи?

— Через неделю сами увидите, не упустите возможность дать рекламу другим заведениям Виспера.

— Однако я чувствую шантаж.

— Не шантаж, просто хочу работать и, возможно, помочь.

— Я так понимаю своего вы не упустите, выдержка сравнимая с мужской похвальна. — Мужчина откинулся на спинку стула и слегла хлопнул ладонью по столу. — Хорошо! Напишите об этом и я подумаю о нашем сотрудничестве.

Я думала, что испытаю бурю эмоций вернувшись в свой родной дом. С того самого дня, когда я сбежала с Шарлоттой в другую часть штата не было ни минуты чтобы я не скучала по своему небольшому номеру в Корморанте, каждую ночь засыпая я надеялась проснуться здесь, чтобы как раньше по соседству жила Дженнифер. Кажется, интерьер не менялся, разве что здесь нет моих вещей тех лет, хотя я не особо помню, как здесь всё выглядело. Одно, я была в поисках воспоминаний, пыталась собрать какие-нибудь крупинки, например, это окно, выходящее прямо на мэрию. Я подошла к нему ближе и коснулась подоконника, он был перекрашен, но под пальцами еще ощущалась небольшая выемка, меня тут же сразила грустная улыбка, когда мы с Альбертом были совсем детьми, он часто был моим гостем, мы любили вместе читать книги, но Дженнифер запрещала ему быть в моих покоях, говорила, что это неприлично, иногда она врывалась сюда и в один из дней когда подоконники только покрасили Альберту пришлось выпрыгивать в окно, краска съехала и еще долго здесь был отпечаток его ботинка.

— Роузи, – приветливо окликнул меня Альберт войдя в мою комнату.

— Как странно быть снова здесь вдвоём, – ответила я, не оборачиваясь к нему.

— Мы не давали Нэнси сдать этот номер, – Альберт медленно зашагал ко мне. – Когда ты уехала я еще долго приходил сюда. Всё не мог смириться с твоим решением. – Он остановился, когда подошел достаточно близко, чтобы я почувствовала, как он возвышается надо мной.

— В этот раз ты выше, – обернулась я к нему и подняла голову, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. – Но усы идиотские. – Альберт смущенно погладил их и нахмурился, а я отошла ближе к тумбе где ранее оставила небольшой букет из полевых цветов.

— Гуляла за городом? – спросил он, заметив цветы.

— Да, она любила люпины, хотела принести ей, – я заметила мимолетный проблеск печали в его глазах и не торопясь продолжила. – Ты пойдешь со мной?

— Не уверен, я не посещал кладбище с тех пор как мы похоронили её.

— Она же твоя мама, нужно навестить.

— Ты к своей тоже не ходишь.

— Свою я не знала, а вот Дженнифер заслуживает цветы хотя бы пару раз в год.

Мне удалось уговорить его. Мы неспешно шли к кладбищу, солнце уже почти полностью скрылось за горизонтом, небо еще немного красовалось розовыми оттенками. В Виспере были самые красивые закаты, самые долгие и чувственные, даже прохлада вечером становилась приятнее, более спокойной и не такой обволакивающей. Альберт печально молчал, а я всё думала о том, что я бы и к своей матери ходила, но не имею понятия где её могила, по сути мамой мне и была Дженнифер, пусть и не долго.

Красивая была женщина, светловолосая, высокая и статная, воспитала двух сыновей и меня, ресторан при ней был серьезным конкурентом даже для Бастилии, она научила меня тому, что «*платья и корсеты*» никогда не будут преградой женщине, которой нужно выжить и защитить своих детей. Кажется, в то время мне было где-то около 14-ти лет, я не особо понимала, о чем она, в моем представлении у меня все было бы иначе, я бы вышла замуж за надежного мужчину и не беспокоилась о будущем. Однако с появлением Шарлотты я поняла ту истину, о которой она говорила – бывают вещи намного важнее даже нас самих.

— Ты повела меня сюда так будто ничего не случилось, – усмехнулся Альберт после долгого молчания, как только показалась изгородь кладбища. – Скажи, Роузи, ты когда-нибудь жалела о своём решении уехать?

— Нет.

— Очень честно.

— Я клялась быть честной с тобой.

— И какого это? Бросить всю свою жизнь ради Шарлотты?

— Любовь к племяннику поистине удивительна. Странно любить чужого ребенка как своего собственного, но одновременно с этим это прекрасно, когда-нибудь ты тоже почувствуешь это.

— К слову о детях. Ты так и не вышла замуж, не родила своих собственных.

— Мне было не до этого, Эллесайд встретил меня не так радушно, как я себе представляла, а потом уже стало поздно, зачем кому-то взрослая бездетная женщина если можно взять молодую.

— Очень категорично. Ты прекрасно выглядишь.

— Может быть, но кто знает, может я не смогу выносить собственных детей.

— Перестань! Ты будешь замечательной матерью.

— Посмотрим изменишь ли ты своё мнение, когда познакомишься с Шарлоттой поближе, – я улыбнулась ему, он еще не знает какой она может быть находчивой, пусть со стороны она и выглядит тихой, но если провести с ней достаточно много времени, то сразу поймешь, что, если дать слабину – огонёк внутри неё превратится в пламя, она тот тип людей, который может получить всё своим бесстрашием, в этом она чем-то похожа на меня. Годами я пыталась сделать её удобной в первую очередь для неё самой.

Перед нами стояла каменная одинокая плита, с увековеченным именем Дженнифер Элизабет Трумен. Высушенная трава вокруг только больше придавала плачевный вид. Видно, что сюда мало кто приходит ухаживать за могилой, отец Альберта никогда и не был в штатах, даже на похороны не приехал. В миг меня сразило чувство вины, что и я оставила её когда-то здесь одну, видит Бог нет мне оправдания, я все эти годы защищала ту, чья семья виновата в этой смерти.

— Здравствуйте, мама, – сказал Альберт склоняясь над могилой.

— Здравствуйте, – я присела на колени, поправив юбки, и положила еще свежий букет люпинов перед плитой. – *Мама...*

— Спустя столько лет мы пришли к вам с Роузи. Ресторан теперь полностью мой, всё как было при вас, в вазах всегда свежие цветы, музыка играет каждый вечер, к нам приходят достойные гости, у Реджи тоже всё хорошо, – продолжал Альберт засунув руки в карманы брюк.

— Простите меня, что уехала и не приезжала, у меня были серьезные.., – я запнулась и незаметно покосилась на Альберта. – Причины...но знаете, вы можете мной гордиться, я вырастила замечательную девочку, вы бы нашли с ней общий язык, я учила её играть на фортепиано так же как когда-то учили меня вы. Я пошла по вашим стопам и тоже построила карьеру, обучилась грамоте и писала чудные статьи в государственной газете. Скоро я буду писать и для Виспера.

— Так твой план всё-таки сработал?

— Не начинай. Ты серьезно будешь обсуждать это при Дженнифер?

— Да. Она мертва, ей уже всё равно, а нам с тобой надо о живых думать, – он раздраженно выдохнул. – Заканчивай любезности и идём, дел по горло, – он махнул рукой в сторону могилы, резко развернулся и направился к выходу. – Пока, мама, – тихо произнёс он, не обернувшись. Я еще немного проводила его взглядом и начала подниматься, попутно стряхивая веточки и травинки с юбки.

— Вы не сердитесь, он просто не любит, когда я перечу, да и вашу смерть он, похоже, так и не принял, он вас очень любил. Он хороший человек, правда.

Солнце полностью скрылось, город окутала тьма, лишь редкие огни из окон соседних домов освещали эту часть улицы. Вывеска ресторана «Английский уголок» сегодня как никогда вгоняла меня в ужас, я и забыла это тошнотворное чувство. Полумрак за окнами ресторана еще сильнее убивал во мне всю решительность войти, но мысль о том, что, если не явлюсь, то будет хуже, медленно толкала меня к двери. Еще сильнее меня кинуло в дрожь, когда дверь открылась прямо перед тем как я взялась за ручку, я не сразу заметила мистера Лаграса за ней.

«Заходите мисс, мы скоро начнем» сказал он и я вошла. По стенам играли тени от свечей, иногда они освещали лица остальных присутствующих, людей было настолько много, что все стулья вокруг столов были заняты, когда-то на подобном мероприятии нас было от силы четверо. Сейчас все те, с кем я танцевала вчера с Шарлоттой сидели неподвижно, словно шакалы уставились в центр зала и скалили зубы на трех мужчин, сидевших там на коленях, они громко в унисон читали библию. Не осмеливаясь их отвлекать я медленно и тихо прошла к свободному стулу и села рядом с Элеонорой. Некогда улыбчивая и жизнерадостная девушка тряслась и поджимала губы, я не решилась успокоить её. Сегодня день печали и великой чести.

Меня мучала мысль о Шарлотте, я сказала ей, что вернусь поздно, но, если она не ляжет спать и решит прийти сюда, ворвется в ресторан, это будет провал, даже не знаю, как бы объяснялась перед ней, в прочем я всегда надеялась, что такого не произойдет, моя задача выдать её замуж как можно скорее и отправить куда-нибудь далеко, чтобы ей никогда не пришлось читать здесь библию.

— Гости! Мои дорогие гости! – послышался голос Альберта с высоты второго этажа ресторана, он приветливо раскинул руки и медленно зашагал по лестнице вниз. Мужчины, читавшие библию, остановились и уставились на него. – Как прекрасен этот миг, снова собрать вас здесь! Прежде чем мы начнем позвольте мне восславить Господа Бога нашего и сына его!

«Славься Отец наш, славься сын его Иисус, благослови нас Святой Дух!» – выкрикнула я одновременно с остальными гостями.

— Спасибо Сыну Божьему, Спасителю нашему, за кров, за еду, за нашу благородную кровь! Да хранит Он Англию! Аминь! – продолжил Альберт.

«Боже, храни Англию! Аминь!» – послышалось по всему ресторану.

— Именно нас с вами сегодня слышно на небе! В нас течет английская кровь, в каждом из вас, мы рождены в объятиях Господа нашего! В каждой церкви говорят нашими устами. Врата рая были возведены для нас! Наши имена увековечены в священной книге золотыми чернилами!

«Аминь!»

— Чужды нам грехи, ибо всё во славу Господа!

«Аминь!»

— Своими руками мы судим на равных с раем и адом!

«Аминь!»

— Мы взошли на землю смертную очистить мир от грязи! От неверных! От иноверцев и богохульников! Да прольётся кровь их в честь родины нашей, в честь Англии! – Альберт спустился с лестницы и расхаживал по центру вокруг трех мужчин.

«Аминь!»

— Друзья мои! Мои верные гости! Слуги Господа нашего! Все вы знаете, что в моих словах истина, что я посланник с неба, что я здесь чтобы направлять вас на великий путь!

«Аминь!»

— Сегодня наша диаспора встретит новые души! Да направлю их я от лица Бога! – Альберт остановился напротив мужчин, они всё так же сидели на коленях, смотрели на него снизу-вверх. – Приветствуйте же мистера Ричарда Крамера, мистера Уильяма Томсона, мистера Эдварда Харриса!

«Да направит Он души их!»

— Пришел ваш час великой клятвы! Альфред, яви нам лик Матери Божьей! – из стороны кухни вышел незнакомый мне мужчина, такой же высокий и светловолосый, в руках он держал огромных размеров икону Божьей Матери. Медленно он подошел к Альберту сзади. – Каждый из вас доказал свою верность, каждый из вас удостоен чести принести клятву, клянитесь так будто сам Сын Божий перед вами! – Альберт вытащил нож из ножен, перекрестился им и протянул руку к мужчинам. – Клянётесь ли вы быть верными мне и Господу нашему?

«Клянусь» – ответили мужчины одновременно, каждый из них выпрямился на коленях и протянули ладони к Альберту, в глазах их блистала надежда и гордость.

— Клянётесь ли вы доверить мне душу и жизнь свою?

«Клянусь»

— Клянётесь ли вы быть преданными мне и английской диаспоре до последней капли крови?

«Клянусь»

— Я благословляю вас от имени Господа Отца, – Альберт взял руку мистера Крамера и медленно сделал надрез кончиком ножа вдоль по ладони, достаточно глубоко, но бережно, избегая серьезной травмы. – Благословляю от имени Сына Божьего, – он сделал надрез по ладони мистера Томсона. – Благословляю от лика Святого Духа! – следом он сделал надрез по ладони мистера Харриса. Незнакомый мужчина вышел вперед к Альберту и опустил икону

ниже, на уровень пояса. – Клянись же на крови своей перед Матерью Божьей! Да станет Она свидетелем! – мужчины прислонили кровавые ладони к лику Матери и хором крикнули «*клянусь*». – Нарушивший клятву не заслуживает жизни! В день предательства покинет душа ваше тело и отправится в ад, в самые жестокие муки!

«Клянусь»

Каждый из нас, здесь присутствующих, когда-то проходил через это, каждый по своим причинам, мы отдали свою жизнь в руки Альберта добровольно, искренне считая его спасителем нашим, по крайней мере так думает большинство, меньшая часть просто верна ему, потому что так проще, за клятву он вознаграждает, всегда будет еда, всегда будет крыша над головой, а бывают ситуации как, например, у миссис Харпер. Отец Элеоноры был должником и Альберт обещал ей помочь, он был совсем молод, когда выкрал нужную сумму у братьев Пирс и закрыл долг, тогда она и поклялась в верности 16-ти летнему юнцу. В те годы мы воспринимали это как игру, что-то особенное и понятное только нам, очень узкому кругу, но со временем Альберт понял, что люди ведомые, что клятва может стать чем-то большим и дать ему власть. Он стал для нас святым, перечить ему всё равно что возразить Богу, есть только небольшая разница, Альберт, в отличии от Бога, не прощает и не отпускает грехи, он не милостив, он даёт ровно столько сколько даёшь ему ты, жизнь и душа больше нам не принадлежит, мы все рабы Божьи, рабы Альберта.

«Боже, храни королеву!»

ТГК: Авторство Райдан

Глава 3. Незаконченная редактура

Шарлотта Лайтсайд 1860-й год

Шарлотте понравилась идея посещать частные уроки. Ближайшая подходящая школа есть только где-то в окрестностях Колорадо, так что выбора особо не было, по мнению Розалин, чтобы племянница однажды стала достойной партией, необходимо познать все тонкости этикета, танцевать как лань и разбираться в поэзии не хуже француженок. В Виспере есть только одна женщина, периодически берущаяся за обучение юных леди, разумеется это для тех, кто может себе позволить.

Таких учениц на весь город было мало. Иногда Шарлотта встречала их на общих уроках танцев. Пары недель хватило, чтобы запомнить некоторых из них: низкая курносая Паула, дочка владельца оружейной лавки, еще Элиза из поместья Девальд. Неуклюжую Клару она запомнила раньше всех – после того как та весь урок путалась в своих юбках и оступалась.

Местные девушки ей не нравились, никто так и не запал ей в душу, даже не вызывали симпатии. Для неё они были немного грубыми и невоспитанными, порой слишком шумными. Воспитание Шарлотты сильно отличалось, эта пропасть мешала ей даже подумать над тем, чтобы завести подруг, как желал ей в день отъезда Билли. Ей не хватало Маргарет, не хватало её утонченности, смелости, родной души рядом. Шарлотта писала ей письма одно за другим, потом долго ждала ответа, сильно радовалась свежим новостям из Эллесайда. Недавно поймала себя на мысли, что скучает даже не по дому, а по людям. Многих она знала лично, по улицам всегда ходил кто-то знакомый, а здесь неизменно холодно от ветра лицу и сердцу. Со временем и Шарлотта стала холоднее, реже улыбалась, старалась обходить людей стороной, когда возвращалась домой после уроков своей воспитательницы миссис Евельдит.

Вот и сегодня она обошла стороной других девушек, не прощалась, не обнималась, просто прошла мимо. В Эллесайде давно бы пошли дурные слова за её спиной, но за месяц жизни здесь она уже и позабыла о том, как ей было важно выглядеть достойной леди в глазах тётушки и в домах других семей.

Шарлотта шла неторопливо, её путь до отеля Карморант был не долгий, всего лишь мимо ирландского паба, затем мимо банка, перейти через дорогу у мэрии, попросить у старушки Нэнси ключи от номера и оказаться дома. Она придерживалась этого маршрута, хотя тётушка постоянно читала нотации, что ходить у заведений удел блудных дам, но идти другой дорогой долго и очень скучно. А так у неё были свои маленькие радости, например, сейчас она шла мимо паба Дублинская тройка, специально замедлилась, потому что пару дней назад мужчины устроили здесь драку и ей очень понравилось застать такой переполох. Сегодня как никогда она надеется снова увидеть это, даже немного заглянула в окно. Внутри было уютно. Английский уголок ей нравился, даже очень, но в пабе атмосфера была более семейная, а чучела животных на стенах придавали заведению ощущения «домашней лачуги», у Шарлотты даже промелькнула мысль однажды зайти туда, когда станет взрослее.

Драку она так и не застала. Шарлотта нахмурилась и вернулась к обычному темпу ходьбы, сливаясь с остальными гражданами, но внезапно она встретила с самым раздражающим событием. Это происходило редко, но каждый раз отпечатывался в памяти – на пути она снова встретила мужчин в сомбреро. Такие грязные, чужие, беспардонно смотрящие на неё без капли уважения. Каждый раз она чувствовала себя костью в собачьей будке. Как и всегда Шарлотта смущенно опустила голову, лишь бы не пересекаться с их черными глазами, задерживала дыхание из-за отвратительного резкого запаха пота. Она вся сжалась словно притворилась тонень-

кой спичкой, лишь бы не коснуться мексиканца, а те, как специально, расправляли плечи, расставляли ноги, и даже не думали подвинуться с дороги, мешая всем кругом.

Тем временем близился вечер, и главная улица наполнялась людьми. Лавки спешно закрывались, работники перетаскивали коробки и ящики, занимая еще больше места на дороге. Шарлотта замедлилась и вихрь потока из спешащих людей утянул её от нужного поворота. Не успела она это понять, как снова оказалась зажатой среди высоких смуглых мужчин, на мгновение она даже взглянула вверх и снова встретилась с черными глазами одного из них. Тут же кто-то схватил её за предплечье и вытянул на окраину дороги, небольшой кармашек где можно было спокойно остановиться, этим кем-то был Альберт Трумен.

— Юная мисс, – ласково поздоровался Альберт, оставив легкий поцелуй на её кисти.

— Доброй недели, мистер Трумен! – вежливо воскликнула Шарлотта.

— Держитесь рядом, – Альберт, постукивая тростью о землю, увел за собой девушку, провел через дорогу и, наконец-то, вывел к нужной дороге, впереди которой красовался отель Корморант.

Когда стало тише и спокойнее Альберт заговор первым:

— Я бы проводил вас на дилижансе, но мой кучер совсем плох, никогда не приезжает вовремя.

— Что вы, это лишнее, – девушка держала вежливый тон.

— В этом городе не так безопасно, я вам говорил не ходить по этой улице, мисс.

— Я помню.

— От чего же не слушаетесь?

— Так я чувствую себя дома, – честно ответила Шарлотта, смело заглянув в глаза Альберта. – В Эллесайде всегда шумно, иногда мне этого не хватает.

— Понимаю, – вздохнул он. – Когда я был совсем мальчишкой, мы с семьёй жили в Лондоне. Как же я страдал приехав сюда, дорогая Шарлотта.

— Вам здесь тоже не понравилось?

— Еще бы! Я по сей день помню каменные, извилистые улицы. Здания стояли непроглядной стеной, жизнь там ощущалась как отдельный мир. Огромный изящный город, с богатым декором и эркерами, когда нам пришлось переехать, я чувствовал себя так будто меня вывели в поле, одна равнина, очень долго я привыкал. Но больше всего я скучал по возможности добраться в любой конец на омнибусах.

— Омнибусах? – не скрывала удовольствие от общения Шарлотта.

— Большой конный экипаж, на котором мог проехать любой желающий, на крыше ставили дополнительные места. В Америке это редкость, а там обыденность.

— Мистер Трумен, вы говорите, что это как дилижанс, но ехать можно прямо на крыше? Мне бы хотелось попробовать.

— К сожалению, женщинам не позволено ехать на крыше.

— От чего же?

— Вам бы пришлось взбираться по лестнице подняв свои юбки, а это несомненно бы оголило перед обществом ваши щиколотки, – улыбнулся Альберт, на что Шарлотта смущенно отвела взгляд и кротко кивнула. – Но и без верхних мест есть преимущества, в Лондоне вы бы точно не стали делить место с мексиканцем. Эти грязные чужаки еще хуже чернолицых, заполонили весь город как крысы.

Альберт часто за ужином упоминал истории об ужасных ограблениях мексиканцами, и Шарлотта верила, от того и всё больше боялась встреч с ними. Сейчас она особенно прониклась разговором, узнав о том, что мистер Трумен такая же потерянная душа, лишившаяся дома и вынужденная мириться с жизнью в Виспере. Иногда он рассказывал подобное и о чернокожих мужчинах, но их Шарлотта не боялась, в доме МакАртуров, семьи Марго, по сей день

работают чернокожие женщины и мужчины, никто из них не был плохим человеком, но совсем уж отрицать мнение Альберта она не могла, говорил он убедительно.

— Я очень рада, что вы рассказали мне о Лондоне, – остановилась Шарлотта, как только они приблизились к отелю. – Мне было неловко от того, что в Виспере мне так непривычно.

— Мне жаль, что вы столкнулись с тем же, юная мисс. Скучать по дому не стыдно, пусть вы и родились в Виспере, любить его вы не обязаны. Когда будет грустно, просто вспомните кто вы на самом деле, всё–таки в ваших жилах, как и в моих, течет английская кровь, а это значит, что к вашим ногам рано или поздно припадут все блага Господа нашего, – заискрился в улыбке мужчина и, покрутив трость в руке, медленно удалился дальше вдоль по улице в направлении английского ресторана.

Шарлотта не попрощалась, не успела ничего ответить. Она так и стояла у отеля, крутя одну единственную мысль в голове.

Я родилась в Виспере?

Она знала, что была здесь в детстве, в очень далеком, которого она уже и не помнит, но по словам тётушки родилась она в Эллесайде.

Дома Шарлотта редко пересекалась с тётушкой днём. С первыми повозками Розалин убегала, а возвращалась уже под лунными лучами. Всё меньше они проводили время вместе. Она стала намного свободнее и уже не так окружена контролем, но не хватало прежнего тепла и внимания, особенно сейчас, когда с каждым днём Шарлотта чувствовала себя еще более одинокой.

Войдя в номер, который, на удивление, ей нравился, в отличии от остального города, застала Розалин в гостинной. Она злобно перебирала бумаги с записями и ругалась себе под нос, не обращая внимания на Шарлотту.

— Тётушка! – окликнула Шарлотта.

— Не сейчас, я занята, – с громким шелестом Розалин засунула стопку бумаг в небольшую сумку.

— Ты опять уходишь?

— У меня много дел, поужинаешь в Английском уголке, я позже подойду.

— Перестань! Тётушка, я тебя совсем не вижу.

— Найди себе уже друзей, здесь полно хороших девушек, – Розалин накинула сумку себе на плечо и собралась уже уходить.

— У меня пока что не получается, – грустно зашептала Шарлотта, перебирая пальцами свою длинную черную косу. Розалин в ответ фыркнула и нахмутив брови направилась к выходу, но рука Шарлотты её остановила, ухватившись за локоть. – Постой, давай вместе хотя бы выпьем чаю?

— Обещаю, мы проведем время вместе, когда я освобожусь.

Розалин Лайтсайд 1860–й год

Розалин на мгновение обернулась на отель. Сердце неприятно скрипело. Ей очень жаль, что она обижает Шарлотту, но иначе она не могла. Сейчас для неё самое главное, это защитить племянницу, от всех тех зверей, что здесь обитают. Розалин должна помочь освободить город от грязи, сделать его безопасным, обеспечить для Шарлотты будущее. Цена уже неподъемно высока, чтобы менять приоритеты.

Сегодня она вновь в печатном издательстве, отвратительно прекрасное место, которое Розалин посещает каждый божий день. Еще никогда работала не давалась ей настолько тяжело. Даже тогда, много лет назад, когда она совсем девчонкой продавала газеты на улицах Эллесайда ради пары долларов, она знала, что делает это не зря и придет тот день, когда она зай-

мет печатную машинку на равне с опытными журналистами. Она даже придумала себе мужское имя и настаивала выпускаться под ним. Сама удивляется как ей удалось запечатлеть свои инициалы в статьях. Однако сейчас, как и последний месяц, её гордость с громким треском билась о деревянный пол. Снова и снова её идеи не давали плодов. С высоты своего полёта она спустилась на уровень болот, связавшись с местом, в котором правила задаёт ирландский ублюдок Патрик Уолш, он же главный редактор.

Уже столько дней она носит ему информацию обо всех бизнесах, принадлежащих английской диаспоре, разумеется с разрешения Альберта, но мужчина никак не давал ей должность журналиста и возможность выпускаться в местной газете. Терпение заканчивалось и раздражение уже было тяжело скрывать.

— Господин Уолш, наш уговор трещит по швам, скажу я вам, – разгневалась Розалин, влетев в кабинет главного редактора.

Патрик потер переносицу и устало выдохнул. Ему пришлось оторваться от горы документов под своей ладонью и приготовиться к очередной тираде от Розалин.

— За кого вы меня считаете? – продолжала Розалин. – Я достаточно отдала для этого издательства, выполните свою часть договора! – она гневно положила на стол несколько страниц с именами бизнес партнеров, которые были важны для отеля Карморант и Английского уголка. По крайней мере так думал мистер Уолш, на деле же Альберт ими не дорожил и сам составил список для Розалин. Она вела честную игру с маленькими хитростями.

— Розалин, сами понимаете, сотрудников достаточно, когда найду место для вашей колонки, то первым делом сообщу.

— Нет! Вы найдете место в следующем выпуске! Без меня ваши бумажки до сих пор бы продавались в лавках, это я предложила нанять детей, чтобы весь округ мог купить газету!

— Бога ради, не кричите, – застонал Патрик. – Давайте так, мне нужна сенсация, что-то громкое. Хочу, чтобы в этот раз читатели были крайне удивлены. Если вы сможете раздобыть такой материал, то я выпущу его под вашим именем.

— Очень смело предлагать мне такое, не бойтесь последствий?

— Главное, не писать ничего про Макартуров, никогда бы не хотел переходить дорогу столь влиятельным людям, – что-то блеснуло в глазах Розалин после этих слов мужчины, она тут же вспомнила юную леди этой семьи, близкую подругу Шарлотты, Маргарет Макартур. Писать о ней в планы не входило, но заметка на будущее была оставлена.

Прошло пару часов с момента, когда она, в очередной раз, пошла на сделку с ирландцем. Голова была полна идей, они мысленно перескакивали между собой, но в большинстве отсекались. Ей нужно было что-то интересное. Эта статья должна утереть нос Патрику Уолш и всей ирландской общине, оставить грязный след.

Продолжение следует...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.